

Хроники НЕЖНОЙ

Книга 4: Да здравствует революция!

КРИСТИНА СОЛЬ

18+

Кристина Соль

**Хроники Снежной. Книга 4.
Да здравствует революция!**

«Автор»

2026

Соль К.

Хроники Снежной. Книга 4. Да здравствует революция! /
К. Соль — «Автор», 2026

Ирина Снежная снова просыпается в чужом теле — на этот раз в камере, избитая и приговорённая к показательному суду после провалившегося восстания. Её зовут Ялена. Она — одна из последних участниц сопротивления, сумевших выжить. Весь город охвачен облавами, подполье разгромлено, а среди тех, кто ещё остался в живых, скрывается предатель. Но главная проблема в другом. Впервые Ирина оказывается в мире, где её знания ничего не значат. Здесь выживают не благодаря науке, а благодаря Тени — загадочной силе, которой она не умеет управлять. Любая ошибка может погубить не только её, но и тех, кто рискнул ей поверить. Пока революция медленно умирает, Ирине предстоит вычислить предателя, научиться владеть чужой силой и решить, можно ли спасти людей, когда не уверен даже в самом себе. Четвёртая книга цикла «Хроники Снежной». Читается самостоятельно.

Содержание

Глава 1. Подавитель	5
Глава 2. Переулок	7
Глава 3. Двенадцать тюфяков	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Кристина Соль

Хроники Снежной. Книга 4.

Да здравствует революция!

Глава 1. Подавитель

Шаги за дверью остановились. Загремел засов.

Я вжалась спиной в холодный камень, стараясь не выдать движением ни один из сотен вопросов, теснившихся в голове разом, — кто идёт, зачем, и хватит ли у избитого, чужого тела сил продержаться ещё один разговор с людьми, для которых моя жизнь явно не стоила ничего, кроме удобного повода для показательного процесса где-то в столице.

К подобным пробуждениям я давно должна была привыкнуть — и всё же каждый раз тело, в которое меня забрасывает авария, случившаяся много миров назад в моей собственной лаборатории, оказывается новым до последней царапины. Я физик по имени Ирина; я умерла — или должна была умереть — в своём собственном мире, а вместо этого продолжаю появляться в чужих телах именно в тот миг, когда их хозяйки на грани смерти, довожу их истории до какого-то завершения и иду дальше, возвращая тело его настоящей владелице. В прошлый раз это был корабль. Сейчас — совсем другой мир, куда более странный, чем любой из виденных мною прежде, — потому что здесь, помимо избитого тела и разгромленной камеры, во мне обнаружилось нечто, чему я пока не могла подобрать даже приблизительного названия.

Дверь приоткрылась — не полностью, ровно настолько, чтобы просунуть внутрь миску с чем-то похожим на жидкую кашу. Молодой надзиратель поставил её на пол, не глядя.

— Через час придут за тобой, — сказал он. — Переведут в столицу. Готовься.

Дверь закрылась, засов вернулся на место, шаги удалились.

Обрывки чужой памяти складывались в скупую картину: тело принадлежало женщине по имени Ялена, участвовавшей в восстании против власти, которую здесь называли Конкордатом, — восстании, недавно и жестоко подавленном. Перевод в столицу означал не суд, а нечто худшее, о чём чужая память старалась не задерживаться подробно.

Ощупывая избитое тело, я наткнулась пальцами на тонкий шнурок под грубой рубахой, а на нём — маленькое металлическое кольцо, тёплое, потемневшее от времени. Ни моя память, ни обрывки памяти Ялены не могли объяснить, откуда оно взялось, — но прикосновение к нему показалось мне странно, необъяснимо знакомым.

Я закрыла глаза, заставляя себя вернуться к тому смутному узлу внутри груди, что шевельнулся ещё до появления надзирателя. Память Ялены называла это Тенью — способностью, которой её учили с детства и которой я, оказавшись в её теле, не умела пользоваться вовсе.

Только теперь я заметила и другое: маленькое устройство, вмонтированное в стену чуть выше уровня глаз, — медная катушка под потрескавшимся стеклом, глухо гудевшая на одной низкой ноте. Память Ялены подсказала название: подавитель. Устройство, чья задача — глушить связь между Тенью и хозяйкой настолько, чтобы та не могла ею воспользоваться.

Судя по всему, оно должно было действовать и на меня. Не действовало. Подавитель, если верить обрывкам чужой памяти, глушит не саму Тень, а связь, нарабатанную годами слепяния. У Ялены такая связь была, прочная, нарабатанная с детства, — и именно её подавитель бы глушил намертво. У меня же с этой Тенью не было ничего: ни истории, ни привычки. Для устройства, настроенного на сигнал многолетней связи, моя Тень попросту не звучала на той частоте, которую оно умело различать. Оно давило пустоту там, где полагалось давить чувство.

Я сосредоточилась на ощущении внутри, нащупывая его границы вслепую, как нащупывала бы контуры незнакомой электрической цепи. Тень отозвалась не вспышкой и не образом, а лёгким смещением веса в комнате. Ржавый засов на двери издал едва слышный скрип, сдвинувшись на волосок.

Я попробовала снова, осторожнее, направляя внимание точно на металл замка. Скрип повторился, отчётливее. Что-то внутри меня отозвалось на усилие тупой болью — той, что бывает от долгого напряжения мышцы, которой прежде не пользовались вовсе.

Дверь чуть подалась. Я толкнула её плечом — избитое тело отозвалось резкой болью в рёбрах, но дверь поддалась ещё на пару дюймов, достаточно, чтобы протиснуться наружу в тёмный, пропахший сыростью коридор.

Коридор был пуст. Где-то вдалеке слышались голоса — обычные, не встревоженные. У меня было, возможно, несколько минут, прежде чем кто-то заметит открытую дверь камеры.

Почти у конца коридора навстречу, из-за поворота, вышел тот же молодой надзиратель. Он замер, увидев меня, слишком удивлённый, чтобы среагировать, — и я, не успев обдумать это, потянулась к тёмному узлу внутри груди, толкая его вперёд, так же, как толкала бы дверь плечом.

Получилось грубее, чем с замком. Надзиратель покачнулся, схватившись за стену, — его явно замутило без всякой видимой причины, — и я воспользовалась этими секундами, проскользнув мимо него дальше по коридору, к двери, за которой начиналась улица.

Улица встретила меня руинами — не сплошными, но достаточно частыми, чтобы не оставалось сомнений: здесь недавно бушевал настоящий бой. Обгоревший остов какого-то крупного здания чернел в отдалении, окружённый пустырьём, где трава уже начинала пробиваться сквозь пепелище.

Я прижалась к стене ближайшего переулка, чувствуя, как силы, потраченные на дверь и надзирателя, схлынули из тела разом, — и попыталась сообразить, куда идти дальше, не имея ни малейшего представления об устройстве этого города, который, как мне предстояло узнать чуть позже, назывался Велдт.

Где-то за спиной, в здании, которое я только что покинула, наконец раздался крик тревоги.

Я побежала, задыхаясь от боли в рёбрах, вглубь переулков, туда, где тени между обгоревшими стенами казались достаточно густыми, чтобы спрятаться хотя бы до темноты.

Глава 2. Переулок

Я не знаю, сколько времени провела в том переулке, вжавшись в щель между обгоревшей стеной и грудой битого кирпича, — достаточно долго, чтобы боль в рёбрах превратилась из острой в тупую, ноющую, а слабость, вызванная неумелым обращением с Тенью, начала отступать медленными приливами.

Город вокруг жил настороженной, придушенной жизнью: редкие прохожие двигались быстро, не глядя по сторонам, лавки стояли с наглухо закрытыми ставнями, а на перекрёстках маячили фигуры в форме, которую память Ялены безошибочно опознавала как форму Надзора.

Я собиралась с силами, чтобы двинуться дальше, когда со стороны улицы послышались быстрые, крадущиеся шаги. Я вжалась глубже в тень, готовая снова потянуться к тому смутному узлу внутри груди, — но человек, завернувший в переулок, замер, увидев меня, с выражением такого мгновенного узнавания, что я поняла: обороняться не придётся.

— Ялена, — сказал он тихо, опускаясь на корточки рядом, — ты жива.

Мужчина был крепким, лет тридцати пяти, с коротко остриженными тёмными волосами и лицом человека, привыкшего скрывать эмоции профессионально, — и всё же сейчас на этом лице читалось потрясение, смешанное с облегчением.

— Тебя же взяли на Малой Литейной, — сказал он, оглядывая мои ссадины. — Мы думали, тебя уже перевели.

Я молчала, пытаюсь понять, что из чужой памяти могло бы помочь мне ответить правильно, — но обрывки были слишком разрозненными, чтобы сложить связную ложь.

— Собирались перевести, — сказала я наконец, выбирая честность там, где не хватало материала для обмана. — Я сбежала раньше.

— Как? — спросил он резко. — Из здания Надзора, под подавителем, одна, избитая до полусмерти?

— Не знаю точно, — сказала я. — Что-то со мной изменилось после побоев. Я не понимаю до конца, что именно.

Мужчина долго смотрел на меня, и я видела, как в его лице проходит недоумение, настороженность, попытка совместить знакомый образ с чем-то неуловимо иным в голосе.

— Ты не такая, как перед арестом, — сказал он тихо. — Даже голос другой. Ялена, что с тобой случилось там, в участке?

— Не здесь, — сказала я. — Слишком много патрулей рядом. Отведи меня туда, где безопаснее говорить, и я отвечу на любой вопрос, какой захочешь задать.

— Меня зовут Дарен, на случай если ты забыла и это, — сказал он с горькой полуулыбкой, помогая мне подняться. — Идём. Только тихо и держись ближе к стенам.

Мы двинулись через лабиринт переулков, огибая открытые улицы, где патрули попадались чаще.

— Как давно я была в плену? — спросила я тихо.

— Восемь дней, — ответил Дарен. — С самого разгрома у Дома коррекции. Мы думали, что потеряли тебя окончательно, как потеряли ещё дюжину других.

— А Каэйс? — спросила я, вспоминая имя, всплывшее в памяти Ялены с оттенком безоговорочного доверия.

Дарен резко обернулся.

— Ты произнесла это имя так, будто спрашиваешь о незнакомом человеке, — сказал он тихо. — Ялена знала Каэйс восемь лет. Ты правда не помнишь её?

— Помню, — сказала я. — Просто после побоев многое путается. Иногда знакомые имена звучат чужими на долю секунды, прежде чем встать на место.

Дарен смотрел на меня долго, не до конца убеждённый, но кивнул, решив, похоже, отложить сомнения до более подходящего момента, и повёл меня дальше, к дому, где, как он сказал, меня ждали те немногие, кто пережил разгром восстания вместе с ней.

Мы остановились у неприметного здания на окраине жилого квартала, и Дарен, прежде чем постучать условным стуком в чёрный ход, повернулся ко мне с последним предупреждением.

— Что бы с тобой ни случилось там, в участке, — сказал он, — Казэйс спросит прямо, без обиняков. И если ты хоть в чём-то солжёшь ей, она это почувствует.

Я кивнула и приготовилась встретить первую по-настоящему серьёзную проверку в этом новом, чужом, истерзанном войной мире.

Глава 3. Двенадцать тюфяков

Условный стук Дарена отворил дверь чёрного хода в узкий, тёмный коридор, пахнущий сыростью и застарелым дымом.

Внутри дом оказался куда просторнее, чем выглядел снаружи, — подвал, соединённый лестницей с первым этажом, был переоборудован под общее жильё: я насчитала двенадцать тюфяков вдоль стен, стол, сколоченный из разномастных досок, несколько женщин и мужчин, разбросанных по комнате в позах вымотанных, но настороженных людей.

Все взгляды обратились к нам. Женщина, поднявшаяся навстречу от дальнего стола, — Каэйс, лет сорока пяти, с прямой, негибаемой осанкой человека, привыкшего нести ответственность за чужие жизни, — я узнала её мгновенно, хотя обрывки памяти Ялены давали лишь смутный образ.

— Оставьте нас, — сказала она, не повышая голоса, — все, кроме Дарена, вышли за дверь.

— Восемь дней в участке Надзора, — сказала Каэйс. — Обычно оттуда либо не возвращаются вовсе, либо возвращаются сломленными настолько, что уже ни на что не годны. Ты не выглядишь сломленной, Ялена. Объясни мне разницу.

— Не знаю, как объяснить точно, — сказала я, выбирая честность там, где могла себе это позволить. — Что-то изменилось во мне после побоев. Тень внутри меня — она другая, чем была. Я сама пугаюсь того, насколько сильно изменилась.

Каэйс долго молчала, вглядываясь в мой ответ.

— Такое бывает, — сказала она наконец, — после Молчания — принудительного глушения Тени подавителем. Иногда что-то меняется, когда она возвращается. Не у всех. Но бывает.

— Возможно, — сказала я тихо. — Я правда не знаю.

Каэйс кивнула, приняв объяснение — не полностью, но достаточно, чтобы отложить дальнейшие расспросы.

— Хорошо. Отдохнётся несколько дней. Потом снова включишься в работу.

Она повернулась к Дарену.

— Проследи, чтобы её осмотрели и накормили. И присматривай за ней внимательнее обычного. Не потому, что я ей не верю. Потому что после такого никому нельзя доверять свою настороженность полностью, включая её саму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.